

Золотая серия поэзии

Владимир Высоцкий

Лирика

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
В93

Разработка серии А. Новикова

Высоцкий, Владимир Семенович.
В93 Лирика / Владимир Высоцкий. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 448 с. — (Золотая серия поэзии).

ISBN 978-5-699-58526-7

«Без свободы я умираю», — говорил Владимир Высоцкий. Свобода — причина его поэзии, хриплого тона, от которого взывали динамики, в то время когда полагалось молчать. Но глубокая боль его прорывалась сквозь немоту, побеждала страх. Это был голос святой надежды и гордой веры. Столь же необходимых нам и теперь. И всегда.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-699-58526-7

© Высоцкий В., наследники, 2015
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Песни

ПЕСНИ

1960—1966 ГОДОВ

СЕРЕБРЯНЫЕ СТРУНЫ

У меня гитара есть — расступитесь, стены!
Век свободы не видать из-за злой фортуны!
Перережьте горло мне, перережьте вены —
Только не порвите серебряные струны!

Я зароюсь в землю, сгину в одночасье —
Кто бы заступился за мой возраст юный!
Влезли ко мне в душу, рвут ее на части —
Только б не порвали серебряные струны!

Но гитару унесли, с нею — и свободу, —
Упирался я, кричал: «Сволочи, паскуды!
Вы втопчите меня в грязь, бросьте меня в воду —
Только не порвите серебряные струны!»

Что же это, братцы! Не видать мне, что ли,
Ни денечков светлых, ни ночей безлунных?!
Загубили душу мне, отобрали волю, —
А теперь порвали серебряные струны...

1962

ТОТ, КТО РАНЬШЕ С НЕЮ БЫЛ

В тот вечер я не пил, не пел —
Я на нее всю глядел,
 Как смотрят дети, как смотрят дети.
Но тот, кто раньше с нею был,
Сказал мне, чтоб я уходил,
Сказал мне, чтоб я уходил,
 Что мне не светит.

И тот, кто раньше с нею был, —
Он мне грубил, он мне грозил.
 А я все помню — я был не пьяный.
Когда ж я уходить решил,
Она сказала: «Не спеши!»
Она сказала: «Не спеши,
 Ведь слишком рано!»

Но тот, кто раньше с нею был,
Меня, как видно, не забыл, —
 И как-то в осень, и как-то в осень —
Иду с дружкой, гляжу — стоят, —
Они стояли молча в ряд,
Они стояли молча в ряд —
 Их было восемь.

Со мною — нож, решил я: что ж,
Меня так просто не возьмешь, —
 Держитесь, гады! Держитесь, гады!
К чему задаром пропадать,
Ударил первым я тогда,
Ударил первым я тогда —
 Так было надо.

Но тот, кто раньше с нею был, —
Он эту кашу заварил
 Вполне серьезно, вполне серьезно.

Мне кто-то на́ плечи повис, —
Валюха крикнул: «Берегись!»
Валюха крикнул: «Берегись!» —
Но было поздно.

За восемь бед — один ответ.
В тюрьме есть тоже лазарет, —
Я там валялся, я там валялся.
Врач резал вдоль и поперек,
Он мне сказал: «Держись, браток!»
Он мне сказал: «Держись, браток!» —
И я держался.

Разлука мигом пронеслась,
Она меня не дождалась,
Но я прощаю, ее — прощаю.
Ее, как водится, простил,
Того ж, кто раньше с нею был,
Того, кто раньше с нею был, —
Не извиняю.

Ее, конечно, я простил,
Того ж, кто раньше с нею был,
Того, кто раньше с нею был, —
Я повстречаю!

1962

ЛЕЖИТ КАМЕНЬ В СТЕПИ

Артуру Макарову

Лежит камень в степи,
А под него вода течет,
А на камне написано слово:
«Кто направо пойдет —

Ничего не найдет,
А кто прямо пойдет —
Никуда не придет,
Кто налево пойдет —
Ничего не поймет
И ни за грош пропадет».

Перед камнем стоят
Без коней и без мечей
И решают: идти или не надо.

 Был один из них зол —
 Он направо пошел,
 В одиночку пошел, —
 Ничего не нашел —
 Ни деревни, ни сел, —
 И обратно пришел.

Прямо нету пути —
Никуда не прийти,
Но один не поверил в заклятья
 И, подобравши подол,
 Напрямую пошел, —
 Сколько он ни бродил —
 Никуда не добрел, —
 Он вернулся и пил,
 Он обратно пришел.

Ну а третий — был дурак,
Ничего не знал и так,
И пошел без опаски налево.
 Долго ль, коротко ль шагал —
 И совсем не страдал,
 Пил, гулял и отдыхал,

Ничего не понимал, —
Ничего не понимал,
Так всю жизнь и прошагал —
И не сгинул, и не пропал.

<1962>

БОЛЬШОЙ КАРЕТНЫЙ

Левону Кочаряну

Где твои семнадцать лет?
На Большом Каретном.
Где твои семнадцать бед?
На Большом Каретном.
Где твой черный пистолет?
На Большом Каретном.
А где тебя сегодня нет?
На Большом Каретном.

Помнишь ли, товарищ, этот дом?
Нет, не забываешь ты о нем.
Я скажу, что тот полжизни потерял,
Кто в Большом Каретном не бывал.
Еще бы, ведь

Где твои семнадцать лет?
На Большом Каретном.
Где твои семнадцать бед?
На Большом Каретном.
Где твой черный пистолет?
На Большом Каретном.
А где тебя сегодня нет?
На Большом Каретном.

Переименован он теперь,
Стало все по новой там, верь не верь.
И все же, где б ты ни был, где ты ни бредешь
Нет-нет да по Каретному пройдешь.
Еще бы, ведь

Где твои семнадцать лет?
На Большом Каретном.
Где твои семнадцать бед?
На Большом Каретном.
Где твой черный пистолет?
На Большом Каретном.
А где тебя сегодня нет?
На Большом Каретном.

1962

ПРАВДА ВЕДЬ, ОБИДНО

Правда ведь, обидно — если завязал,
А товарищ продал, падла, и за все сказал:
За давнишнее, за драку — все сказал Сашок, —
Двое в синем, двое в штатском, черный воронок...

До свиданья, Таня, а может быть — прощай!
До свиданья, Таня, если можешь — не серчай!
Но все-таки обидно, чтоб за просто так
Выкинуть из жизни напрочь цельный четвертак!

На суде судья сказал: «Двадцать пять! До встречи!»
Раньше б горло я порвал за такие речи!
А теперь — терплю обиду, не показываю виду, —
Если встречу я Сашка — ох как изувечу!

До свиданья, Таня, а может быть — прощай!
До свиданья, Таня, если можешь — не серчай!
Но все-таки обидно, чтоб за просто так
Выкинуть из жизни напрочь цельный четвертак!

<1962>

* * *

— Эй, шофер, вези — Бутырский хутор,
Где тюрьма, — да поскорее мчи!
— Ты, товарищ, опоздал,
ты на два года перепутал —
Разбирают уж тюрьму на кирпичи.

— Очень жаль, а я сегодня спозаранку
По родным решил проехаться местам...
Ну да ладно, что ж, шофер,
тогда вези меня в «Таганку», —
Погляжу, ведь я бывал и там.

— Разломали старую «Таганку» —
Подчистую, всю, ко всем чертям!
— Что ж, шофер, давай назад,
крути-верти свою баранку, —
Так ни с чем поедem по домам.

Или нет, шофер, давай закурим,
Или лучше — выпьем поскорей!
Пьем за то, чтоб не осталось
по России больше тюрем,
Чтоб не стало по России лагерей!

<1963>

* * *

За меня невеста отрыдает честно,
За меня ребята отдадут долги,
За меня другие отпоют все песни,
И, быть может, выпьют за меня враги.

Не дают мне больше интересных книжек,
И моя гитара — без струны.
И нельзя мне выше, и нельзя мне ниже,
И нельзя мне солнца, и нельзя луны.

Мне нельзя на волю — не имею права, —
Можно лишь — от двери до стены.
Мне нельзя налево, мне нельзя направо —
Можно только неба кусок, можно только сны.

Сны — про то, как выйду, как замок мой снимут,
Как мою гитару отдадут,
Кто меня там встретит, как меня обнимут
И какие песни мне споют.

1963

Я ЖЕНЩИН НЕ БИЛ ДО СЕМНАДЦАТИ ЛЕТ

Я женщин не бил до семнадцати лет —
В семнадцать ударил впервые, —
С тех пор на меня просто удержу нет:
Направо — налево
я им раздаю «чаевые».

Но как же случилось, что интеллигент,
Противник насилия в быте,
Так низко упал я — и в этот момент,

Ну если хотите,
себя осквернил мордобитьем?

А было все так: я ей не изменил
За три дня ни разу, признаться, —
Да что говорить — я духи ей купил! —
Французские, братцы,
за тридцать четыре семнадцать.

Но был у нее продавец из «ТЭЖЭ» —
Его звали Голубев Слава, —
Он эти духи подарил ей уже, —
Налево — направо
моя улыбалась шалава.

Я был молодой, и я вспыльчивый был —
Претензии выложил кратко —
Сказал ей: «Я Славку вчера удавил, —
Сегодня ж, касатка,
тебя удавлю для порядка!»

Я с дрожью в руках подошел к ней впритык,
Зубами стуча «Марсельезу», —
К гортани присох непослушный язык —
И справа и слева
я ей основательно врезал.

С тех пор все шалавы боятся меня —
И это мне больно, ей-богу!
Поэтому я — не проходит и дня —
Бью больно и долго, —
но всех не побьешь — их ведь много.

1963